

— Е Цзинь тут же ответила, ее личико сморщилось, и она с крайне напряженным и смятенным видом произнесла:

— Я ведь еще никогда ни с кем не спала, а ты к тому же омега, разве это ненормально, что я нервничаю?

Выходит, она ничего такого не заметила.

— И все же давай не будем, я боюсь, что ты среди ночи не сдержишься и укусишь меня, — бесстрастно отозвалась Цзян Яншуй, отводя взгляд. В конце концов, такая вероятность существовала.

— Цзян Яншуй! Ты на кого наговариваешь! По-твоему, я из таких?! — возмутилась Е Цзинь. Если бы она не могла себя сдержать и хотела поставить метку, разве не сделала бы это давно? Стала бы она ждать, пока та уснет?

— Ладно-ладно, прости, это я на тебя наговорила, я виновата перед тобой смертельно, так что эту роскошную императорскую кровать лучше оставь себе, а я постелю на полу.

Е Цзинь: «...»

Победить магию магией? Почему в Цзян Яншуй она увидела собственное отражение?

— Ты что, обучилась какому-то невероятному фокусу? — поинтересовалась Е Цзинь.

Видя, как та смотрит на нее с подозрением и настороженностью, Цзян Яншуй легко улыбнулась, моргнула и ответила:

— Да уж, совершенно невероятному, у тебя научилась.

Е Цзинь мгновенно лишилась дара речи, ощутив нехватку воздуха. Она уставилась на Цзян Яншуй немигающим взглядом. На утонченном и привлекательном лице девушки играло легкое кокетство, каждое движение и улыбка были наполнены присущим ей неповторимым очарованием. Сердце заколотилось с бешеной силой, а в венах закипела кровь.

— Почему твои феромоны вдруг снова стали такими сильными? — Цзян Яншуй на миг растерялась, и ее первой реакцией было проверить веревки на руках и ногах Е Цзинь. Убедившись, что та надежно привязана, она слегка выдохнула.

Е Цзинь отвернулась, ее горло судорожно сглотнуло, железа горела так, словно собиралась воспламениться, а в пересохшем горле першило от боли.

— Разве это ненормально, что в период восприимчивости феромоны внезапно усиливаются? — голос Е Цзинь слегка охрип, а рука, прятая под одеялом, впиалась в простыню, скомкав ее до неузнаваемости.

— Вот как, — кивнула Цзян Яншуй. Видя, что Е Цзинь вроде бы все еще сохраняет рассудок, она подошла и развязала веревки, говоря: — Сначала умойся и приведи себя в порядок, я зайду позже.

С этими словами, не дожидаясь ответа Е Цзинь, она быстрыми шагами вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Вернувшись в свою спальню, Цзян Яншуй выдохнула — исходившие от альфы феромоны здесь

стали намного слабее. Она помассировала виски, пытаясь хоть немного расслабить натянутые до предела нервы.

По правде говоря, находиться рядом с высшей альфой — чьи феромоны обладали смертельной привлекательностью для омег — было непросто: ей приходилось сохранять предельную бдительность, чтобы не поддаваться зову собственных инстинктов. Цзян Яншуй слегка нахмурила брови: оставаться вдвоем с омегой вот так, наедине, для альфы и впрямь небезопасно.

Она в очередной раз пожалела о том, какая муха ее укусила в тот день, раз она решилась поставить Е Цзинь метку!

Приняв ванну, Цзян Яншуй принесла собственные подушки, одеяло и прочие постельные принадлежности в комнату Е Цзинь. Едва открыв дверь, она увидела, как Е Цзинь в белой ночной сорочке как раз собирается забраться на кровать.

Е Цзинь повернула к ней голову, и они уставились друг на друга.

Цзян Яншуй отвела взгляд и непринужденно вошла внутрь. Сначала она положила свое одеяло на кровать Е Цзинь, а затем подобрала циновку, которую Е Цзинь раньше использовала для ночлега на полу, и расстелила ее, всем видом показывая, будто ни капли не смущена.

Е Цзинь быстро шмыгнула под одеяло, натянув его до самого подбородка так, что осталась видна лишь половина лица, а щеки пылали алым.

– На полу холодно, – тихо произнесла Е Цзинь, втайне уже обдумывая, какова вероятность поменяться местами с Цзян Яншуй.

– У меня неплохое телосложение, к тому же погода жаркая, в самый раз, – Цзян Яншуй закончила стелить свою постель, легла и примерилась. Если не считать некоторой жесткости, никаких других неудобств она не ощутила.

Е Цзинь нахмурилась, явно в это не веря.

Цзян Яншуй приподнялась, окинула ее взглядом и спросила:

– Во всяком случае, моя выносливость лучше, чем у многих ваших альф, верно?

Слова Цзян Яншуй заставили Е Цзинь замолчать. Стоило ей вспомнить тех альф на уроке физкультуры, которые после двух кругов бега высушивали языки, словно собаки, и сравнить их с невозмутимой Цзян Яншуй, как те переставали походить на альф вовсе.

Она молча опустила голову, затащила руки и ноги в веревки, пихнула одеяло и глухо бросила:

– Завязывай ту же.

Цзян Яншуй встала, подошла к Е Цзинь и, просунув руку под одеяло, затащила узел.

Е Цзинь мысленно поморщилась:

- Смотри завязывай на совесть, а то вдруг я среди ночи вырвусь, вскочу и цапну тебя за бок.

В облике девушки сквозило недовольство и упрямство, однако вела она себя послушно, покорно помогая Цзян Яншуй.

Цзян Яншуй бросила на нее косой взгляд и, приложив усилие, завязала крепчайший узел.

- Цык! - Е Цзинь судорожно втянула воздух и тут же перешла в контратаку: - Чего ты такая грубая, разве бывают такие омеги?

Цзян Яншуй поджала губы и улыбнулась, став похожей на невинный и безобидный нежный цветок, а затем пропела жеманным, сладеньким голоском:

- Ну что вы такое говорите? Я ведь самая что ни на есть хрупкая и нежная омега~Руки помощницы переместились, и последовало еще одно движение!

— Ссс! — Е Цзинь покраснели глаза, и она со слезами на глазах посмотрела на эту жеманную омегу перед собой, поджала губы и не смела больше ничего говорить.

Цзян Яншуй отпустила ее, а напоследок еще и подняла руку, чтобы ущипнуть ее за щеку. Кожа была нежной и гладкой, на ощупь — удивительно приятной. Вот это и был настоящий облик девушке, жаль только, что она оказалась альфой.

— Веди себя смирно, — предупредила Цзян Яншуй.

Е Цзинь скорчила недовольную гримасу. Почему это она вела себя несмирно? Разве она недостаточно послушна? Сможет ли та отыскать альфу послушнее нее?!

Е Цзинь была единственной в своем роде во всем мире!

Когда обе привели себя в порядок, оказалось, что из-за долгого дневного сна время еще было относительно ранним. Цзян Яншуй включила для Е Цзинь тот самый исторический документальный фильм, который они смотрели раньше, и велела:

— Смотри внимательно, потом буду принимать экзамен.

Е Цзинь: «???»

Почему по этому тоже будет экзамен?! Разве ей и так не досталось, неужели ей нужно еще и задавать домашку?

Цзян Яншуй позволила Е Цзинь спокойно смотреть фильм, а сама принесла свой ноутбук. Устроившись на краю кровати, она принялась за работу, совершенно не обращая внимания на возню Е Цзинь.

Она слегка нахмурила брови, пролистывая документы в компьютере. Чем дальше она читала, тем сильнее хмурилась, и в конце концов не выдержала — отправила ответственному лицу электронное письмо.

Хотя Е Цзинь и смотрела документалку, боковым зрением она то и дело поглядывала на Цзян Яншуй, отчаянно пытаясь понять, чем та занята.

Неизвестно, что именно та читала, но выражение ее лица было крайне серьезным. Профиль казался напряженным, уголки губ плотно сжаты в суровую линию, из-за чего она выглядела немного свирепой.

Е Цзинь закусил губу, опустив глаза с чувством полного бессилия. Она и сама не понимала, к чему сейчас проявляет такое упорство. Ей казалось, что догнать Цзян Яншуй все равно не удастся, да и внутренний голос нашептывал: а даже если и догонишь — что с того? Ей ведь совершенно все равно, и у тебя нет ни единого шанса.

Е Цзинь почувствовала покалывание в сердце. Какой тогда смысл во всей этой погоне?

Настроение упало до предела, из-за чего документальный фильм она почти не воспринимала, не говоря уже о том, чтобы что-то запомнить.

Она закрыла глаза и позвала:

— Цзян Яншуй, я хочу спать, убери ноутбук.

Цзян Яншуй подняла на нее взгляд и, заметив, что та действительно выглядит так, будто собирается заснуть, отложила свои дела. Она встала, помогла Е Цзинь устроиться поудобнее и, глядя на нее сверху вниз, спросила:

— Нужно еще что-нибудь?

— Маску для сна, в ящике.

Цзян Яншуй выдвинула ящик. Внутри лежало несколько масок с изображением маленьких желтых утят. Посмотрев на Е Цзинь, она выбрала самую забавную и натянула ее той на голову.

Е Цзинь больше не видела ее, а Цзян Яншуй, глядя на танцующего утенка с отключенным задом на маске, невольно улыбнулась.

Зная, что та собирается спать, Цзян Яншуй стала двигаться тише. Она выключила верхний свет, оставив рядом лишь небольшой ночник, чтобы стараться не беспокоить Е Цзинь.

В комнате сразу стало тихо, нарушаемому лишь редким стуком клавиш Цзян Яншуй. Первый день периода восприимчивости Е Цзинь наконец-то благополучно подходил к концу.

Цзян Яншуй и сама не заметила, как долго просидела за работой. Когда она отложила ноутбук и потеряла переносицу, за окнами уже царила глубокая тишина. Бросив взгляд на часы, она увидела, что стрелки указывали на два часа ночи — время, когда большинство людей крепко спало, неудивительно, что было так тихо.

Повернувшись к Е Цзинь, она заметила, что личико той сильно сморщилось, волосы намokли от горячего пота, а все тело мучительно извивалось. Феромоны медленно приближались к критической точке, грозя вот-вот выплеснуться наружу.

Брови Цзян Яншуй мгновенно сошлись на переносице. Она подползла ближе, сдвинула маску и прикоснулась ко лбу Е Цзинь — он был горячим настолько, будто мог расплавить ладонь.

Видя такое, Цзян Яншуй уже не раздумывала. Она опустилась ниже и прижалась губами к железе Е Цзинь, передавая свои феромоны напрямую, в нулевом контакте. В голове снова закружилась знакомая карусель, из-за полумрака в комнате все вокруг расплывалось, а от

кружения земли ее даже слегка затошнило.

— Ух...

— Цзян Яншуй...

— Цзян Яншуй...

Е Цзинь заворочалась еще сильнее. Облегчение в области железы заставляло ее жаждать еще большей близости, и даже слова звучали с едва слышными слезами в голосе.

Сквозь затуманенное сознание Цзян Яншуй слышалось, будто Е Цзинь зовет ее по имени. Неужели она уже очнулась?

Феромоны непрерывным потоком устремлялись в железу Е Цзинь. Помеченная ею альфа без остатка принимала ее, не проявляя ни малейшего отторжения.

Цзян Яншуй вцепилась пальцами в одеяло Е Цзинь. Разум твердил ей, что терять сознание сейчас нельзя — если не разрешить эту проблему Е Цзинь, та вполне может просто сгореть от жара!

— Цзян Яншуй...— Ты же... ты же говорила, не уходи, не уходи, не уходи...

Рассудок Е Цзинь уже почти окончательно рухнул. Её до предела любимые феромоны без остатка окутывали её со всех сторон, а раскалённая, пылающая железа была укутана чем-то мягким и нежным. Вторжение феромонов заставляло всё её тело дрожать от истомы, но ей казалось этого мало, ей хотелось ещё — неважно, самой железы или чего-то большего.

Трудно сказать, сколько это продолжалось. Бурлящие феромоны Е Цзинь наконец начали постепенно успокаиваться, а Цзян Яншуй уже просто не выдерживала. Продолжая уткнуться лицом в шею Е Цзинь и целовать её железу, она прямо так закрыла глаза, провалилась в глубокий сон и опустила верхней частью тела на Е Цзинь.

Это была предельно близкая поза. Даже во сне их феромоны гармонично переплетались так, что уже невозможно было разобрать, где чьи.

Полуденное солнце пробилось сквозь щель в шторах, и один из лучей бесцеремонно упал прямо на веки Е Цзинь, заставив её с неудовольствием приоткрыть глаза.

Е Цзинь поморщила веки и попыталась приподняться, но обнаружила, что совершенно не может пошевелиться. В области шеи ощущался лёгкий зуд, её обдувало слабым тёплым ветерком, а совсем рядом находилась её чувствительная и уязвимая железа, которая от такого раздражения уже начала едва заметно пульсировать.

Она скосила глаза вбок — и в следующее же мгновение её глаза широко раскрылись от изумления при виде открывшейся картины.

Цзян, Цзян Яншуй спала на её кровати! Да ещё и обнимала её?!

Е Цзинь была настолько шокирована, что какое-то время просто не находила слов, чтобы описать свои чувства. И... и при этом в такой интимной позе!

Что вообще произошло прошлым вечером?!

Почему у неё не осталось ни единого воспоминания?!

В этот момент она окаменела всем телом, совершенно не смея пошевелиться или даже издать хоть звук, страшась разбудить Цзян Яншуй.

Однако, возможно, из-за того, что тело Е Цзинь было слишком напряжено, Цзян Яншуй вдруг тихонько всхлипнула во сне, её голова шевельнулась, словно она собиралась проснуться.

Цзян Яншуй приоткрыла сонные глаза, но перед ней по-прежнему царил полумрак. В воздухе стоял очень густой запах феромонов с ароматом сливы в вине, и она мгновенно вскочила от испуга, широко распахнутыми глазами глядя на Е Цзинь.

Осознание пришло с опозданием: ей только что показалось, будто она лежала поверх Е Цзинь, уткнувшись ей в шею?

Она закусила губу — на губах словно всё ещё ощущалось прикосновение к той раскалённой железе. Её насквозь пропитало сливовое вино, из-за чего от неё самой исходил неотвязный винный дух.

Е Цзинь подняла на неё взгляд, застыв в растерянности — она, похоже, ещё не до конца отошла от того, что произошло ранее.

— Т-то самое... Я и сама не знаю, как так вышло, но клянусь небом, я абсолютно ничего такого не делала! — Е Цзинь поспешила оправдаться и вернуть себе честное имя. Ведь её руки и ноги всё ещё были надёжно связаны, разве она смогла бы сделать хоть что-нибудь при всём желании?

Цзян Яншуй просто смотрела на неё, ничего не говоря, а её брови даже начали сходиться на переносице ещё сильнее.

— Н-ну же... скажи что-нибудь? — с опаской произнесла Е Цзинь. Неужели прошлой ночью и правда что-то случилось? Вряд ли же? Она украдкой скосила глаза на одеяло — оно по-прежнему аккуратно укрывало её до подбородка.

Бросив взгляд на пижаму Цзян Яншуй, сидевшую на ней самым аккуратным образом, Е Цзинь подумала, что ничего предосудительного вроде бы произойти не должно было?

Цзян Яншуй по-прежнему молчала. Она всё ещё была в шоке от своей собственной первой реакции после пробуждения: она ведь вовсе не почувствовала отвращения!

Как такое возможно? Проспав так всю ночь, она отреагировала на Е Цзинь до нелепости спокойно?

Она же... она ведь альфа! Альфа, чью дурную природу невозможно искоренить!

Видя, что та по-прежнему игнорирует её, Е Цзинь уныло опустила плечи. Она и так понятия не имела, что произошло, так почему сейчас ей казалось, что между ними вновь пролегла такая непреодолимая пропасть?

— Ты можешь сначала развязать меня? — тихонько попросила Е Цзинь.

— Т-ты же сама говорила, что нельзя терпеть, это вредно для физиологических функций?

— ...

Успокоение.

Воздух вокруг словно на мгновение замер.

Цзян Яншуй долго смотрела на Е Цзинь, но в конце концов всё же подошла и развязала верёвки. Она проводила взглядом Е Цзинь, которая быстро перевернулась, соскочила с кровати и поспешно бросилась в ванную.

Дверь с глухим стуком захлопнулась. Цзян Яншуй глубоко вдохнула и осторожно коснулась своей железы — та была в полном порядке.

В этот момент она сама не понимала, что чувствует: тут было и облегчение, и растерянность от того, что Е Цзинь не вписывалась в её привычные представления об альфах. Эмоции переплелись настолько замысловато, что разобраться в них она не могла. Слегка вздохнув, она сначала убрала с пола постель для ночлега, постояла ещё немного в комнате Е Цзинь и наконец повернулась и ушла к себе.

Е Цзинь зачерпнула пригоршню ледяной воды и плеснула себе в лицо. Подняв голову, она посмотрела на собственное покрасневшее отражение в зеркале, но стоило ей вспомнить прежнее выражение лица Цзян Яншуй, как её лицо снова побледнело.

Она опустила взгляд на белоснежную фарфоровую раковину, где бегущая струя воды образовывала сверкающую под светом лампы рябь.

Наверное, она терпеть её не может?

В этот момент Е Цзинь действительно поверила словам Цзян Яншуй о том, что та больше не любит женщин-альф.

Её реакция была слишком бурной, слишком ранящей.

Лицо в зеркале постепенно возвращалось к привычному цвету. Что ж, так даже лучше — это разом отрежет все её тайные надежды.

Повернув кран, Е Цзинь сначала приняла душ, а когда вышла в махровом халате, Цзян Яншуй в комнате уже не было. Однако феромоны, настоявшиеся за целую ночь, по-прежнему висели в воздухе, напоминая о её недавнем присутствии.

Вдохнув этот густой аромат сливы в вине, смешанный с нотками снежного лотоса, Е Цзинь вновь почувствовала, как её лицо предательски заливается краской. Столовые приборы не нужны — один лишь этот запах заставил бы любого непосвященного подумать, что здесь произошло нечто непроизносимое.

Однако суровая реальность заключалась в том, что они оставались кристально чистыми друг перед другом.

Порывшись в вещах, Е Цзинь достала ночную сорочку. Поскольку она находилась в помещении, никуда не собиралась выходить и не имела возможности свободно разгуливать по дому, она, разумеется, выбрала то, в чём ей будет максимально удобно оставаться привязанной к постели.

Бросив взгляд на дверь спальни и опасаясь, как бы Цзян Яншуй вдруг не вошла без стука в самый разгар переодевания — какое же это было бы унижение! — Е Цзинь забрала сорочку и

ушла переодеваться в ватную комнату, чтобы случайно не осквернить взор Цзян Яншуй своим телом. В противном случае, смогут ли они вообще продолжать общаться как друзья?

Е Цзинь тихо выдохнула, приказав себе перестать постоянно думать о Цзян Яншуй! В конце концов, между ними всё равно ничего бы не вышло!

Переодевшись в ночную сорочку и выйдя обратно, она вновь оказалась окутана остаточными феромонами, отчего ей снова стало казаться, будто поднимается жар. Железа на затылке слегка пульсировала — амплитуда была невелика, но её владелица отчётливо ощущала это беспокойство.

— Бесстыдница!

Е Цзинь мысленно сплюнула. Подумаешь, капля феромонов — неужели на всём белом свете осталась только одна Цзян Яншуй с её статусом омеги? Готова течь от малейшего запаха, не зря же все говорят, что истинная природа альфа — дикие звери!

Чтобы унять собственное возбуждение, Е Цзинь включила воздухоочиститель. Ощущая, как запах снежного лотоса, принадлежавший Цзян Яншуй, в комнате постепенно рассеивается, Е Цзинь вместо облегчения почувствовала какую-то неутолимую пустоту в сердце, а железа стала пульсировать ещё яростнее.

Лизнув пересохшие губы, она взяла бутылку воды, которую Цзян Яншуй вчера оставила у изголовья, открутила крышку и принялась жадно пить. Ледяная жидкость скользнула по горлу — она отчаянно пыталась потушить бушующее внутри пламя, но результат был очевиден.

Выпитая вода словно столкнулась с грозным противником: она не только не погасила огонь, но и закипела от него, поднимаясь клубами горячего пара.

Одной бутылки не хватило, и Е Цзинь схватила вторую.

Тем временем Цзян Яншуй, вернувшись в свою спальню, сначала проверила сообщения на телефоне. Увидев весточку от госпожи Цзян, она ответила ей, чтобы та не волновалась и что ничего страшного не произошло. После этого она долго сидела на кровати в одиночестве, размышляя о только что случившемся. Чем больше она думала, тем меньше понимала, лишь загнав себя в глухой тупик: казалось бы, проблема была проще некуда — просто иди к выходу с противоположной стороны этого проулка, но сколько бы она ни шла, до конца у неё дойти не получалось, и перед глазами маячил лишь крошечный просвет света в конце переулочка, скрывая от неё всю остальную картину мира.

Поняв, что додуматься до чего-то разумного ей не удастся, Цзян Яншуй перестала тратить время на бесплодные размышления и заставила себя прекратить этот мысленный шторм. Приняв ванную, она замотала влажные волосы полотенцем. Глянув на часы и обнаружив, что уже почти одиннадцать, а они обе так ничего и не поели, она заглянула на кухню, поджарила в тостере несколько ломтиков хлеба и налила два стакана молока. Взяв поднос с едой, она направилась к спальне Е Цзинь и сначала постучала, но изнутри не донеслось ни звука.

Цзян Яншуй нахмурилась: неужели та всё ещё в ванной?

Дверь Е Цзинь не заперла, когда уходила, поэтому Цзян Яншуй просто толкнула её. Самой Е Цзинь в комнате не оказалось, и её взгляд сразу переместился на ярко освещённую ванную, откуда доносились какие-то звуки.

Цзян Яншуй слегка поморщила нос — волна феромонов со вкусом сливы в вине ударила ей прямо в голову. У Цзян Яншуй слегка закружилась голова, и в тот же миг она разозленно стиснула зубы.

Что не так с феромонами этой Е Цзинь? Почему обязательно слива в вине? Ладно бы просто слива, зачем примешивать алкоголь!

Цзян Яншуй до зубовного скрежета злилась: неужели та никогда не думала о том, что некоторые люди совершенно не переносят спиртного?!

Вспомнив, как в прошлый раз она потеряла сознание от алкоголя сразу после того, как поставила Е Цзинь метку, Цзян Яншуй почувствовала жгучий стыд. А к этому добавлялся весь её двухдневный период восприимчивости Е Цзинь, из-за которого ей постоянно казалось, будто она заживо маринуется в бочке с вином и беспробудно пьянствует изо дня в день!

Поставив поднос на тумбочку, Цзян Яншуй почувствовала, как у неё подкашиваются ноги, а железа взбудоражилась, словно требуя ответа на этот запах, доводя Цзян Яншуй до исступления.

<http://bllate.org/book/21716/2243885>